

Лев Ревуцкий

Два рассказа

Барабан и скрипка

Барабан был немолод, толст и с возрастом стал немного неуклюж. Кожа на барабанах потрескалась, и в последнее время он уже не звучал так бодро и молодецкато, как в молодые годы, когда служил в военном оркестре.

Жил старый барабан в маленькой квартирке в старом доме подле парка и выходил в свет только в дни выступлений. В свободное время он читал военные мемуары или пересматривал старые пожелтевшие фотографии, на которых он, молодой и красивый, марширует впереди большого сводного военного оркестра. Молодость его прошла в походах вместе с гарнизонными оркестрами, а постарев, отцы-командиры перевели его в небольшой областной город, где служба его была легкой и непыльной. С другими музыкальными инструментами он участвовал в военных парадах и дефиле.

Спутницей жизни он так и не обзавелся, хотя и ходили слухи о его романах то с красивой величественной арфой из местного симфонического оркестра, то со строгой виолончелью из оркестра драматического театра города. Барабан подкупал их своей прямой, военной выправкой и мужественностью. Это его выгодно отличало от надменного французского рожка, развязного попивающего гобоя и хвастливого тромбона. Окончив военную службу, где он отбарабанил двадцать пять лет, наш герой уволился в запас и был принят на работу в оркестр при местном оперном театре.

Держали барабан в оркестре больше из уважения к его возрасту и прошлым заслугам. Музыкальных партий для барабана

в оркестре было не много. Большую часть времени он дремал или слушал оркестр, изредка вступая тогда, когда того требовала партитура. Он мог давно уйти на заслуженный отдых: кроме него было еще несколько барабанов, и оркестр мог вполне обойтись без него. Но его держали, да и сам он не рвался на пенсию, так как абсолютно не представлял, что будет делать дома без театра. Дирижер симпатизировал барабану и не слишком придирался, когда тот ошибался или вступал не вовремя.

В оркестре наш барабан сторонился струнных – это были снобы, своего рода закрытый клуб. Дети богатых родителей, струнные держались особняком и свысока относились к другим инструментам. Те платили им той же монетой.

Деревянные духовые – флейты, гобои, кларнеты и фаготы – казались ему или слишком претенциозными (флейты), или откровенно глупыми (фаготы и гобои). Исключение он делал лишь, пожалуй, для кларнетов, которых он находил вполне адекватными и дружелюбными.

Зато он охотно водил дружбу и порой выпивал с ударными и медными духовыми. С ними он мог расслабиться, вспомнить военную молодость, не опасаясь показаться тем, кем он самом деле был – простым рубахой-парнем.

Так проходили его дни. Барабан давно привык к своей спокойной жизни и не искал другой. Но в конце лета дирижер представил оркестру новую первую скрипку. Никто не знал, почему эта столичная модница, учившаяся в Италии, переехала в их областной город N. Как бы то ни было, в их оркестре теперь была новая первая скрипка.

Другие скрипки и альты сразу же невзлюбили «итальянку» (так они называли за спиной), но все признавали ее несомненный талант и мастерство. Она легко могла обходиться без дирижера, но никогда не демонстрировала это. Когда дирижер ошибался, именно «итальянка» твердо и уверенно вела за собой оркестр. Недаром она была настоящей Первой Скрипкой.

Она была неразговорчива, мало общалась с другими инструментами и сразу после спектакля уходила из театра.

Неожиданно барабан стал единственной душой в оркестре, с кем «итальянка» чувствовала себя легко и свободно. Непонятно,

что сблизило их, хотя их отношения никогда не переходили грань дружбы. Барабан много читал, у него была неплохая библиотека по истории музыки, и он охотно делился ею с «итальянкой». Вдобавок он очень много поездил и повидал, и найдя в «итальянке» благодарную слушательницу, ударялся в воспоминания о «былых походах».

Они пересекались в оркестре, изредка в буфете, где он брал себе пирожки и пиво, а она черный кофе. Несмотря на внешнюю строгость и даже неприступность, обслуживающий персонал театра – уборщицы, вахтерши, гардеробщицы и работники буфета – полюбили молодую «итальянку». В буфете ей оставляли самые вкусные бутерброды и пирожные. На репетициях или в антрактах они могли обменяться парой шуток или просто поговорить о погоде, жизни и, конечно, о музыке. Иногда через своих знакомых он доставал ей коробочки с шоколадным зефиром, который она так любила, и, немного стесняясь, приносил их в ее гримерку. Первая скрипка догадывалась, кто был даритель, но виду не подавала.

Часто после спектакля они вместе медленно шли домой через старый парк. Им было почти по пути. Проводив скрипку, старый барабан снимал кепку и церемонно целовал молоденькой скрипке руку. После чего медленно брел в свою маленькую, похожую на большой чулан, квартиру.

В новом сезоне в театре было сразу две премьеры: «Аида» и «Кармен». В каждой опере были значительные партии для барабана, и старик старался вовсю. Репетиции шли успешно, и после премьеры «Кармен» дирижер по традиции пожал руку первой скрипке, и среди других инструментов он пригласил встать старого барабана. Никогда после армейских лет старику не было так хорошо. Он снова стал следить за собой, помолодел на десять лет, стал меньше пить и даже немного сбросил вес.

Оперный сезон заканчивался, и «итальянка» собиралась уезжать из города. Ее позвали не куда-нибудь, а в Милан, туда, где она училась и жила более пяти лет.

Последний месяц перед ее отъездом пролетел быстро. «Итальянке» устроили теплые и шумные проводы. Скрипки, альты и другие инструменты оркестра успели привыкнуть к молодень-

кой скрипке и им было жаль с ней расставаться. Все понимали, что оставаться молодой и талантливой скрипке в их оркестре означало загубить свою карьеру и жизнь.

Отвальная была в кафе при театре. Барабан почти не принимал участия в проводах. Он был искренне рад за молодую скрипку, но на душе было тоскливо. «Итальянка» подошла к нему, нежно прижалась горячей декой и прошептала: «Спасибо за дружбу!». И, лукаво улыбнувшись, добавила: «И за зефир». Барабан ничего не сказал, лишь по-стариковски всплеснул своими старыми барабанными палочками и отвернулся.

Эпилог

Прошло более десяти лет. «Итальянка» вышла замуж за молодого итальянского красавца-альта и навсегда обосновалась в Милане. У них родились две маленькие скрипки, как две капли воды похожие на мать. Когда они подросли, мать решила взять их собой в страну, в которой она родилась и где когда-то жила.

Они приехали на пару дней в город N и сразу пошли в оперный театр, где в это время должна была идти репетиция с оркестром. Спустившись в оркестровую яму, «итальянка» узнала многих из тех, с кем когда-то вместе работала. Старого дирижера не было. Вместо него с оркестром работал другой – молодой и совсем незнакомый.

«Итальянка» посмотрела туда, где сидела группа ударных. Многие инструменты были из того состава, с кем играла скрипка более десяти лет назад. За исключением барабана. Его не было нигде.

Инструменты рассказали, что он умер через пару лет после ее отъезда во время спектакля, но успел отыграть в спектакле свою партию. Старый солдат не привык уходить с поля боя, пока битва не окончена.

Старый контрабас, который был в оркестре дольше других инструментов, вышел и через пару минут вернулся с картонной коробкой «Зефир в шоколаде», перевязанной веревкой. В коробке были медали, тоненькая пачка фотографий барабана, начиная с детских, оловянные фигурки солдат-музыкантов и с десятков

неотправленных писем, адресованных ей. Среди писем она нашла пожелтевшую от времени записку. «Я бы с радостью оставил Вам Ваше любимое лакомство – если бы не был уверен, что оно Вас не дождется». Скрипка тепло распрощалась с оркестром, зная, что никогда больше в этот город уже не приедет.

В гостиницу они возвращались через старый парк той же дорогой, что и десять лет назад, когда они со стариком барабаном шли усталые после спектакля. Около их гостиницы была старинная кондитерская. Прежде чем зайти в отель, они остановились перед витриной. На секунду скрипке показалось, что в глубине магазина пожилой барабан покупает зефир. Скрипка закрыла глаза, а когда снова их открыла – в магазине уже никого не было.

«Не бери в голову»

В сентябре актеру областного драматического театра Геннадия Ивановичу Ларину исполнилось пятьдесят девять лет. В прошлом остались десятки разных ролей, значительных и не очень, две разломанные семьи, выросшие дети и даже трое внуков.

В настоящем – расшатанное здоровье, роли второго-третьего плана, умело скрываемый алкоголизм и глухое одиночество. Из радостей жизни – крепкий кофе, дорогой коньяк и коллекция каргопольских игрушек, тщательно им оберегаемая. Делил с ним кров старый ленивый кот Николас. Эти двое так долго жили вместе, что стали похожи друг на друга в повадках и привычках. Ларин не удивился б, если бы вдруг кот попросил за завтраком коньяк и двойной эспрессо.

Работы в театре было немного, роли в основном проходные. Изредка приходилось играть что-нибудь значительное. А ведь в молодости Ларин блистал и подавал определенные надежды. Элегантный, очень стройный, с густой шевелюрой, он, казалось, идеально подходил на роли героев-любовников, романтиков, идеалистов. Шло время, с годами Геннадий Иванович полысел, обрюзг и мало стал походить на своих героев-романтиков. Другие образы он играл хуже, менее убедительно, и ролей в театре становилось все меньше. А те, что он получал, год от года были

все менее интересные и не требовали от него ни серьезной работы, ни умственного напряжения. В театральных программках, продаваемых в театре перед началом спектакля, фамилия Ларин прочно осела внизу страницы со списком действующих лиц и исполнителей.

Так и жил Геннадий Иванович. Он и кот старели, дети выросли, внуки вырастали. Ларин давно уже жил по привычке, не испытывая ни сильных радостей, ни печалей. Иногда, когда он просыпался, но еще не вставал с кровати, ему казалось, что он еще вполне способен на большую роль. Но большие роли все не приходили, и Геннадий Иванович продолжал жить, как в полусне.

Летом в театр был приглашен на два сезона молодой режиссер из Москвы. Ему дали ставить среди прочих постановок «Короля Лира». Ларин сидел на распределении ролей безучастный и равнодушный. Он получил роль офицера стражи Эдмунда и вскоре стал репетировать роль. Когда заболел главный исполнитель роли короля Лира, режиссер внезапно ввел Ларина на роль Лира. Что-то он увидел в пожилом актере, то, что, может быть, Ларин не знал о самом себе. И роль Лира в спектакле заблестала новыми красками. В бывшем герое-любовнике, как оказалось, сидел трагик. Ларин играл свою пустоту, одиночество, крах надежд.

В труппе о нем теперь говорили: «Посмотри, как расцвел старик – кто бы мог подумать?». О спектакле писали местные газеты, хваля игру Ларина. Его даже однажды пригласили на местное телевидение, чего не случалось с ним в молодости.

Между тем здоровье Геннадия Ивановича ухудшалось по мере роста его популярности. У него начались головокружения, порой он терял равновесие, резко ухудшилось зрение. Врач поставил диагноз «аневризма мозга». Ларин продолжал играть в театре, и никто не знал о его диагнозе. С каждым спектаклем все тяжелее было выходить на сцену, но он не сдавался. В какой-то из дней Ларин не выдержал и рассказал режиссеру о своей болезни, чтобы тот мог найти ему замену.

На шестидесятилетие Геннадия Ивановича пришел приказ о присвоении ему звания «Заслуженный артист». Дома они отметили вдвоем с котом, а в воскресенье пришли дети с внуками. Кот и Геннадий Иванович были счастливы.

Через месяц зимним утром не проснулся кот Николас – самое близкое существо для Ларина, если не считать внуков. Николас хотел дожить до славы своего хозяина, как никто веря в талант друга и поддерживая его всю свою долгую кошачью жизнь. В тот вечер шел спектакль, и Ларин играл особенно сильно.

Еще через неделю Геннадию Ивановичу стало совсем плохо. С момента ввода в роль короля Лира он впервые пропустил утреннюю репетицию и слег на больничный. В театр Геннадий Иванович уже не вернулся.

На кладбище, переминаясь с ноги на ногу и поеживаясь от холода, его провожала небольшая труппа театра вместе с администрацией. Все ждали, когда кончатся пустые казенные речи и перейдут к поминкам. Сам Геннадий Иванович не раз бывал среди провожающих в последний путь и, конечно, не осудил бы коллег по цеху за это нетерпение. Ближе к могиле стояли заплаканные бывшие жены. В трауре эти две женщины были удивительно схожи. Дети были без внуков. Это была просьба Ларина, когда он еще мог играть в театре, чтобы внуков на похоронах не было.

Метрах в двадцати от могилы невидимый никому, кроме Геннадия Ивановича, беззвучно плакал король Лир, прижимая к груди кота Николаса.

